

Жанна Даниленко

Рябиновый костёр

УДК 82-3
ББК 84-4
Д18

Даниленко Ж.

Д18 Рябиновый костёр / Жанна Даниленко. – М.: Литнет, 2026. – 278 с.

ISBN 978-5-521-99084-9

История Фёдора Рябины, а так же тех, с кем свела его жизнь.

Смена закончилась с полчаса назад, а Фёдор всё ещё сидел за своим столом и дописывал истории болезни. Домой идти не хотелось, но надо – дочь ждёт. По крайней мере, он очень на это надеялся, потому и жизнь свою построил так, как построил. Менять что-то в ближайшее время он не собирался. Хотя, если посмотреть со стороны, то Фёдор Сергеевич Рябина, акушер-гинеколог, был вполне себе счастливым среднестатистическим индивидуумом. Мысли об индивидууме – точнее, о том, что он сам себя так назвал, – вызвали улыбку.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99084-9

© Литнет, 2026

© Даниленко Ж., 2026

Часть 1

Смена закончилась с полчаса назад, а Фёдор всё ещё сидел за своим столом и дописывал истории болезни. Домой идти не хотелось, но надо – дочь ждёт. По крайней мере, он очень на это надеялся, потому и жизнь свою построил так, как построил. Менять что-то в ближайшее время он не собирался. Хотя, если посмотреть со стороны, то Фёдор Сергеевич Рябина, акушер-гинеколог, был вполне себе счастливым среднестатистическим индивидуумом. Мысли об индивидууме – точнее, о том, что он сам себя так назвал, – вызвали улыбку. «Переработал ты, Феденька! Домой пора и спать, всё-таки с суток в рабочий день нырнул. Давай-ка, дружок, поднимай свой задок да вали отсюда», – обратился он сам к себе и мысленно усмехнулся над тем, что беседы с собственным «Я» – это прерогатива коллег психиатров. А потому, поставив точку в последнем предложении, с удовлетворением закрыл историю, затем вышел в коридор и сгрузил все бумаги на стол дежурной сестры.

– Опять вы, Фёдор Сергеевич, от руки истории писали! – возмутилась она. – Вот кто теперь ваши каракули разбирать будет? Нет чтоб как все – в компьютере текст набрать, распечатать и аккуратненько вклеить, – ворчала она совершенно беззлобно и улыбалась во все тридцать два зуба, не забывая при этом строить глазки.

– Дорогая моя Инночка Петровна, – в тон ей ответил Фёдор, – вас в медучилище столько лет учили разбирать изыски врачебных почерков, а вы всё недовольны. Вам именно за это, между прочим, зарплату платят, а вы жалуетесь и жалуетесь.

Он легонько стукнул Инну по носу пальцем, взял у вовремя повернувшейся кастелянши чистое полотенце и отправился в душ с твёрдым намерением после уйти домой. Но, увы, судьба злодейка оказалась не на его стороне.

В душевую постучали.

– Занято, – ответил Фёдор, продолжая мыться.

Но стук не прекращался. Пришлось выключить воду и, обмотавшись полотенцем, открыть дверь. Перед ним стояла врач из отделения физиологии. Она была из новеньких, и Фёдор знал её совсем плохо, им даже дежурить вместе не приходилось. Молодая, симпатичная, но ужасно расстроенная.

– Фёдор Сергеевич, выручайте, Христом Богом прошу!

– Мысль интересная, Татьяна Евгеньевна, но не новая. Рабочий день у меня закончился более часа назад.

– Фёдор Сергеевич, ну пожалуйста! Вы же не хотите повесить лишнюю смертность на совесть нашего роддома?

Она старательно хлопала глазами, то ли заигрывая, то ли пытаясь вызывать сочувствие, и действовала единственным доступным ей методом: давила на жалость посредством показателей отчётности, совершенно забывая, что за ними стоят жизни. Но убожеством своих мыслительных процессов и полным непрофессионализмом вызывала лишь раздражение.

– Кого вы угробили? – не церемонясь спросил Фёдор.

Татьяна Евгеньевна вскинулась, явно собираясь возмутиться на столь грубое обвинение. По её лицу прошла судорога, но она взяла себя в руки и затараторила:

– Воды отошли более десяти часов назад, плод в косом положении, я думала, стимульну – и развернётся, а он застрял...

Она развела руками, опустила глаза в пол, стоя перед полуобнажённым Фёдором с видом побитой собаки.

– Как давно начали стимуляцию? – спросил он.

– Часов восемь назад.

– А проконсультироваться раньше никак нельзя было?! Раскрытие полное?

– Да, с этим всё в порядке. Понимаете, она договаривалась заранее, поступила в мою смену, я и предположить не могла...

– За что деньги берёте, если работать не умеете? – гаркнул Фёдор. – Идите к роженице, я оденусь.

«Вот и пришёл домой пораньше...» – подумал он. Опять застанет Алиску спящей – ни поиграть с дочкой, ни поговорить. Плохой он отец. Лариска, правда, тоже мать не очень, но всё лучше, чем он.

В родзал Фёдор вошёл уже собранный и готовый к любому развитию событий, оставив за дверями все лишние мысли и сосредоточившись на происходящем.

Брать женщину на кесарево при полном раскрытии не имело смысла, и, дожидая пока анестезиолог введёт внутривенный наркоз, он приступил к операции поворота плода на «ножку».

В отличие от других врачей роддома, он это делал не раз и не два. Опыт, полученный в странах дальнего и не очень благополучного зарубежья не пропьёшь, а он провёл там целых три года.

Анестезиолог кивнул, давая разрешение к манипуляции, а дальше всё по накатанной: ввёл руку в полость матки, отодвинул головку плода вверх и в сторону, потом по боковой линии тельца дошёл до подмышечной впадины и обратно к тазовому концу, захватил ножку, на ощупь убедился, что большой палец отвести невозможно, прошёлся пальцами по пяточному бугру и лодыжке, фиксировал голень и совершил поворот, затем вытащил ребёнка.

Первый крик младенца подействовал, как хорошее успокоительное. Накал раздражения от непрофессионализма коллеги снизился, но не исчез совсем. Фёдор выразительно посмотрел на съевшуюся Татьяну Евгеньевну.

– Произошедшее может остаться между нами? – робко спросила она.

– Нет и ещё раз нет, – ответил спокойно, наслаждаясь плачем малышки, с которой возились детские реаниматологи. – А если бы я уже ушёл домой – что бы вы делали?

– Кесарево, – она пожала плечами. – Фёдор Сергеевич, вы не ушли домой, так давайте не будем говорить о том, чего не случилось.

– Хорошо, не будем говорить здесь и сейчас. А вот завтра вы сами доложите о всех своих действиях на планёрке. Договорились?

Молодая женщина кивнула, предварительно гневно стрельнув в него глазами, но ему было всё равно. Он сам зашил только что родившей мамочке разрывы промежности, сделав это максимально аккуратно, потом стянул перчатки, стерильный халат и вышел из родзала.

Домой приехал затемно. Припарковав машину, ещё долго сидел внутри, глядя на свет в окнах своей квартиры. Есть хотелось до тошноты, значит, пора выходить и идти к себе.

Фёдор поднялся на четвёртый этаж, открыл дверь и уставился на мужские ботинки в прихожей. На душе стало совсем мутно. Да – они с Ларисой давно чужие друг другу люди, да – у каждого из них своя личная жизнь, но приводить домой посторонних мужчин он не позволял, надеясь уберечь дочь от этой грязи. Для Алиски они с Ларой оставались любящими родителями и в этом не лгали ни себе, ни дочери.

В гостиной горел свет, что было удивительно. Из кухни доносились умопомрачительные запахи жареного мяса.

Желудок предательски заурчал.

– Ну и где тебя черти после работы носят? – услышал он голос отца, выходящего ему навстречу. – Лара на стол накрыла, мы с внучкой слюной изошли, а тебя всё нет.

Усталость как рукой сняло. Ответил же Фёдор в свойственной ему манере, полушутя:

– Во всё виноваты женщины! Отец, ты же знаешь, что женщины – это моё всё. Одна рожала, другая родилась. Ну, как-то так... – Они обнялись. – С приездом, отец. Ты по делу или в гости?

– Да вот, совместить решил. Хотел повидаться с тобой и внучкой – соскучился очень, и поэтому не стал отказываться от предложения прочитать несколько лекций в вашем меде на кафедре усовершенствования. И к тебе у меня тоже дело есть.

– Сманить в столицу решил? – Фёдор расхохотался. – Па, ну сколько можно? Не поеду, ты же знаешь.

– Хотя бы попытаться я был обязан.

Разговор прекратился, потому что в прихожей появилась Лариса.

– Я всё только что разогрела. Ждёте, пока опять остынет? Можно есть и разговаривать. Роман Владимирович, пойдёмте за стол, а Федя сейчас вымоет руки и к нам присоединится.

Первые минут пятнадцать все с удовольствием в тишине поглощали пищу. Лариса действительно готовила очень вкусно, вкладывая в каждое блюдо кусочек собственной души. И очень любила, чтобы её хвалили.

– Ну, рассказывай, сын, как вы тут поживаете? – воодушевлённо спросил Роман Владимирович, попросив добавки. – Может, всё-таки подумаете о переезде? Внучка вон совсем взрослая стала, мы с Машей скушаем. Москва – город возможностей, все стремятся в столицу, кроме вас, а мы бы Алиску в английскую школу отдали.

– Да я и так в английской школе, дед. И к репетитору хожу, – поддала голос девочка. – Только вот папе это не нравится. – Она скорчила смешную рожицу. – Родители, как всегда, ссорятся из-за всякой ерунды, к общему знаменателю прийти никак не могут. Папа говорит, что математика нужнее всего, а мама считает, что женщина должна уметь разговаривать, в том числе на иностранных языках, а точные науки – для мужчин.

Алиска говорила всё это серьёзно, явно повторяя услышанные от кого-то слова, но в конце не выдержала и всё-таки рассмеялась, озорно взглянув на отца.

Лара отвела глаза, Фёдор посмотрел удивлённо, не ожидая от дочери таких речей, а дед просто расхохотался.

– И в кого ты такая умная? – сквозь смех спросил Роман Владимирович. – И что, во втором классе уже про общие знаменатели рассказывают?

– Наследственность виновата. У меня самая лучшая родословная в классе, – ничуть не смущаясь продолжила девочка. – Конечно, крупных бизнесменов в роду нет, зато дедушка с бабушкой –

профессора, и мама докторскую пишет. А это ничего себе, однако! Только папа подкачал...

Произнося всё это, Алиса старалась быть как можно более убедительной, кивала в подтверждение своих слов головой, хмурила брови, поджимала губки. Выглядело всё это смешно, но Фёдор не испытывал веселья. Понимая, чьи слова она повторяет, он заводился всё больше и больше. Нет, ни в какую Москву ему вовсе не хотелось, и дело было совсем не в том, что он не мечтал жить рядом с матерью. Как раз-таки хотел, очень хотел. Но его просто бесило отношение к нему как к неудачнику. Конечно, никто не верил, что он просто не помышляет заниматься наукой, что ему интересно именно то, что он делает.

Он глянул на жену, а она резала на крошечные кусочки мясо, явно просто для того, чтобы только не встречаться с ним взглядом, ведь ему понятно, чьи мысли и слова передаёт Алиса.

Часть 2

– Федь, – Лара вошла в ванную, когда муж умывался перед сном, – я Роману Владимировичу в комнате Алиски постелила, ей на диване в зале, а ты со мной. – Конец фразы она произнесла тихо-тихо. Глянула на мужа с ужасом, ожидая ответной реакции. Он посмотрел на неё уничижающе, и ей показалось, что взгляд этот тяжелее бетонной плиты. Подумалось, что сейчас оденется, хлопнет дверью и оставит разбираться с собственными демонами, со свёкром, не имеющим понятия о настоящем состоянии их отношений, и с дочкой, которая в первую очередь с самого утра спросит, где папа. Она от страха даже глаза зажмурила, заранее зная, что он ответит.

– Могла бы и позвонить, я бы на работе остался.

Фёдор резким движением сорвал с вешалки полотенце и начал вытираться, сначала лицо, затем шею и руки. А Лариса смотрела и не могла оторваться. Нет, не был Фёдор эталоном мужской красоты, да и ростом не удался, на полголовы всего выше её. Лицо у него простое, волосы выющиеся, светлые, что-то между русыми и пепельными. Не нравился он ей внешне, когда они только познакомились, и когда замуж шла – тоже не нравился. Но с лица воды не пить, а в остальном он ей подходил: моложе, мальчишка почти, смотрел на неё, как на богиню, все желания исполнял. Лара думала, что вылепит из него то, что ей нужно, и обеспечит себе ещё более высокий уровень жизни. Парень-то не простой, сын профессорский, родители в Москве. Туда Лара и рвалась. Ну и что, что как муж он её не удовлетворял, зато человек хороший и друг замечательный. А сейчас смотрит на его голый торс, на грудь, покрытую светлыми волосами, и так прижаться хочется, целовать, ощущать под пальцами мышцы, читаемые под кожей, вдыхать его запах... Но, увы, теперь она ему не нужна. Неужели после стольких лет брака, когда кажется, что ничего нового найти в человеке

уже невозможно, наконец-то увидела в своём нелюбимом раньше муже того единственного мужчину, которого ждала и искала всю жизнь? Может быть, и так, только поздно – Фёдор не из тех, кто может понять и простить.

– Неудобно как-то было, отец же твой всё-таки, – заискивающе объясняла она. – Федь, ты ж его любишь... Я знаю, что любишь и скучаешь по нему. Да и не поверил бы он, что ты с дежурства на дежурство остался. Федь, я чистое постелила...

Лариса замолчала, не зная, что ещё можно сказать, как убедить собственного мужа лечь с ней в одну постель.

– Ладно, что теперь... – отмахнулся от неё Фёдор. – Пойду пожелаю отцу спокойной ночи, дочку поцелую и приду. Устал я, Лара. Ты ложись, не жди меня.

Он вышел из ванной комнаты, а она осталась. Смыла макияж, приняла душ, феном высушила волосы и красиво уложила – очень хотелось понравиться Фёдору... Когда-то, очень давно, ему нравилось перебирать её волосы. Сейчас хотелось, чтобы он вспомнил, хотя бы просто вспомнил, что когда-то любил её. Она вошла в спальню, достала из шкафа ночнушку нежно-сиреневого цвета, выгодно подчёркивающую фигуру, надела, покрутилась перед зеркалом и легла.

Знала, что чем раньше ей удастся закрыть глаза и погрузиться в сон, тем быстрее пройдёт эта ночь, но не спалось. Время тянулось медленно. Лариса ждала, ждала и ждала, но Фёдор так и не вошёл в спальню.

А потом она услышала хлопок входной двери и звук поворачивающегося в замке ключа.

Надежды рухнули и разбились – нет, не простит он её, никогда не простит...

Лариса больше не сдерживала слёзы. Рыдала в подушку тихонечко, чтобы не дай бог не разбудить свёкра и дочь. Это её горе, только её. Лишь она одна виновата в таком отношении к себе.